

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

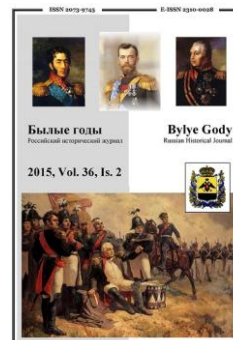
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 338-346, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930

The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries

¹ Petr K. Dashkovskiy

² Elena A. Shershneva

¹ Altay State University, Russian Federation
656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61
Dr. (History), Professor

E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

² Altay State University, Russian Federation

656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61

PhD (History) Associate Professor

E-mail: D2703@yandex.ru

Abstract

This article examines the role of the Russian government in the set-up of the spiritual life of Moslem communities. Between the second half of the 19th and early 20th centuries, the Russian government saw its major objective in control over communities practicing faiths other than Orthodox Christianity – most importantly, the activity of Moslem communities. Such policy, in large part, was about control over the construction of cult buildings, as well as the set-up of confessional schools. Based on archive materials, the author provides an insight into the issue of the set-up of the spiritual life of the Moslem community of Western Siberia during the period under examination, as well as the major aspects of record management in the area. Special attention is devoted to the complexity of getting permits for the erection of Moslem facilities, which sometimes led to unauthorized construction. There was a similar trend in respect of opening academic institutions, since the government mostly supported the creation of new-type schools with Russian-based classes and their major objective was teaching Russian and familiarizing Moslems with Russian culture.

Keywords: state-confessional relations, Muslim communities, Western Siberia, educational institutions.

Введение

Ислам, являющийся второй по численности конфессией в Российской империи, привлекал к себе особое внимание со стороны государства. Начиная еще с XVIII века, в России наметилась тенденция на изменения в государственно-конфессиональной политике. Принятый в 1773 г. Екатериной II Указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов предоставляя все сие светским начальникам» провозглашал некоторые свободы в отношении представителей не православных вероисповеданий [1, С. 775–776]. Согласно данному закону ислам получил статус «терпимой» конфессии. На ряду с этим мусульманам разрешалось открытие мечетей, а при них медресе и мектабе. Однако, несмотря на принятые послабления к представителям мусульманского вероисповедания, контроль за религиозной жизнью общин оставался одним из важнейших пунктов в государственной политике России на всем протяжении имперского периода, в т.ч. и в отношении мусульман Западной Сибири [2]. Правительство по-прежнему придерживалось ряда ограничительных норм в отношении представителей мусульманского вероисповедания, которые были заложены еще до принятия Указа Екатериной II. В первую очередь данные ограничения

касались постройки культовых зданий и открытия при них учебных заведений конфессионального характера.

Материалы и методы

Понимание роли культовых сооружений в жизни мусульманской общины обеспечивает целостное восприятие религиозной жизни представителей инородческого вероисповедания в Российской империи, а так же роли государства в её регулировании. Наиболее объективно оценить роль государства в культовой жизни мусульманских общин позволяют архивные материалы, представленные прошениями от мусульманских общин, о сооружении культовых зданий и открытие учебных заведений, а так же законодательные акты принимаемые государством в этот период по устройству духовной жизни мусульман. Не маловажную роль в оценки устройства культовой жизни мусульманских общин играют статистические сведения о количестве мусульманского населения и культовых зданий, а так же рапорты губернских властей об устройстве религиозной жизни общин.

Обсуждение

Следует отметить, что именно мечеть с момента формирования ислама играла важнейшую роль в жизни мусульманской уммы. Российское законодательство определяло её главным символом устройства традиционной махали, разрешая проводить все молитвенные собрания только при утвержденных сооружениях. К тому же правовые отношения с мусульманской общиной во второй половине XIX – начале XX в. устанавливались на основании правового признания мечети. Согласно своему значению, отраженном в правовом поле, мечеть имела в жизни мусульман несколько аспектов: духовно-нравственный, общественно-политический, эстетический, социальный и образовательный [3. С. 3]. Таким образом, она становилась не просто культовым зданием, а центром единения всей общины, в которой была сосредоточена как её культурная, так и политическая жизнь.

В поликонфессиональном пространстве Российской империи мечеть выполняла еще задачу объединения мусульманских общин и сохранение их религиозного единства. Получение разрешения на строительство мечети, расценивалось, как официальное признание общины и ее регистрация [4. С. 213]. Именно с этого момента, мусульманская община могла заявить о себе, как о полноправном члене российского общества, вступающего в правовые отношения с государством.

В российском законодательстве отсутствовало нормативное требование по постройке мечети, поскольку не существовало строгих правил сооружения культового здания, что ставило представителей мусульманского вероисповедания в затруднительное положение в процессе постройки. Например, в законодательстве в отношении православных культовых зданий оговаривалось на каком расстоянии они должны были быть выстроены от соседних сооружений. Относительно требований к мечетям и молитвенным домам мусульман подобного рода указания отсутствовали [4. С. 218]. Единственным требованием государства, которое необходимо было соблюдать при постройке мечети, было то, что она не должна чрезмерно к себе привлекать внимание, и соответственно, вызывать интерес в не мусульманской среде.

Регулирование жизни мусульман российскими властями было в большей степени ориентировано на сельскую общину. Согласно действующему законодательству, непременным условием регистрации махали было наличие мечети, что давало возможность обзавестись духовным лицом [5]. Однако данное требование было крайне затруднительным для мусульманских общин Российской империи. В этой связи мусульмане не однократно жаловались на введенные требования. Согласно Строительному уставу (1900 г.) постройка мечети допускалось только при наличии 200 душ мужского населения [6].

Необходимо подчеркнуть, что данные требования можно было соблюдать сельским общинам с большим трудом. Что касается отхожих мусульман, работающих на предприятиях в городах как в Сибири, так и в европейской части России, то нормы, предъявляемые российским законодательством, были практически не исполнимы. О подобной проблеме, стоящей перед мусульманами, свидетельствуют, например, данные общины Саткинского чугунно-литейного заводе (Златоустовский уезд Уфимской губернии) в 1904 г. [5] Численность мусульман, прибывающих в города на заработки постоянно менялась, что затрудняло их объединение в общину, а в свою очередь и осложняло инициативу воздвигнуть собственное культовое здание. Подобного рода затруднения приводили к нарушению религиозных прав верующих мусульманского исповедания. Следует так же отметить, что поселки, состоящие из отхожих мусульман, и заводы не значились в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» (1896 г.) как поселения, в которых могли быть возводимы мечети. Они не попадали под категорию ни селения, ни города [5].

Строительство мечетей в мусульманской среде считалось делом особенно богоугодным, поэтому в нем старалось принять участия вся община. Подтверждения этому факту мы видим в начале строительства каменной мечети в г. Томске в 1901 г. Обоснование в строительстве каменного культового здания было обозначено численностью прихода, который в 1917 г. насчитывал уже 1500 человек [7].

Согласно сведениям К.Б. Кабдулвахитова, во второй половине XIX – начале XX вв. г. Томск становится центром духовной жизни мусульман Западной Сибири. Именно в этот период в городе

было сосредоточено большое количество мечетей и учебных заведений, принадлежавших мусульманской общине. В этой связи данный период можно вполне закономерно назвать расцветом мусульманской духовности Западной Сибири [8].

Обращаясь к архивным данным, можно увидеть, что мечети располагались не во всех населенных пунктах, где проживало мусульманское население Западной Сибири. При этом учитывалось требование законодательства о количестве душ мужского пола на одну мечеть. В целом, на начало XX в. в Томской губернии насчитывалось 8539 душ мужского пола, на которых приходилось 48 мечетей [9]. Если сравнивать эти данные со статистическими сведениями на 1869 г., то мужского населения, исповедующего мусульманскую религию, насчитывалось 5178 человек, а мечетей было всего 36 [10]. Обращаясь к таким данным, легко заметить, что на протяжении второй половины XIX в. в Томской губернии наблюдается равномерное возрастание мусульманского населения, а вместе с ним и пропорционального увеличения числа мечетей.

Необходимо обратить внимание на то, что строительство мечетей во второй половине XIX – начале XX вв. полностью осуществлялось за счет общины, по принципу благотворительных пожертвований. В некоторых случаях сбор, необходимой суммы для строительства, осуществлялся с помощью сдачи земельных наделов в наём [3. С. 37]. Мечети имели так же свои вакфы (недвижимое и движимое имущество, полученное от мусульман, как пожертвования и дарения), которые шли на нужды мусульманской общины. В Российской империи законодательство по регулированию государственно-конфессиональных отношений распространялось и на вакфные владения, которые согласно мусульманской традиции, должны контролироваться строго только самой общиной.

В некоторых случаях, когда община не имела достаточных средств на строительство культового здания или на постройку учебного заведения, она обращалась с просьбой к своим единоверцам из соседних губерний с целью оказания им поддержки. Например, в 1865 г. уполномоченный на сбор пожертвований от Оренбургского магометанского духовного собрания обратился к муфтию с предложением напечатать просьбу оказать содействие в постройке ярмарочной мечети в центральных изданиях и в губернских газетах (Тобольской, Томской, Казанской, Оренбургской и др.), где компактно проживают мусульмане) [11. С. 72].

Нужно обратить внимание, что пожертвованиям уделялось особое внимание в мусульманской среде. Так, все средства, поступающие от мусульман, должны были быть учтены и не смешиваться по назначению, делясь по принципу в пользу мечети, на школу и на благотворительные учреждения. Были случаи финансовой поддержки и со стороны представителей иных вероисповеданий, особенно в европейской части России. В частности, в начале XX в. для постройки кирпичного фундамента мечети в одном из уездов Самарской губернии русскими купцами были пожертвованы кирпичи для удовлетворения нужд мусульман [3. С. 38].

Неоднократно мусульмане обращались в губернские органы с ходатайствами о содействии им в устройстве религиозной жизни общины. В 1914 г. Заведующему Землеустройством и переселением в Тобольской губернии было направлено ходатайству переселенцев поселка Казанского, Такмыкской волости, о выдаче им ссуды или безвозвратного пособия на сооружение школьного здания [12. Л. 1а]. При этом община гарантировала осуществлять содержание данного учреждения за свой счет. Конкретного решения по данному делу, так и не было принято, хотя сведения о том, что в общине не имелось ранее мечети и не было человека, исполняющего требы, подтвердилось. Подтвердилось также и то, что ближайшее старожильческое поселение, находится на расстоянии 30 верст [12. Л. 22–22 об.].

Расстояние между существующими мечетями было одной из основных проблем мусульманской общины, которая и приводила представителей данного вероисповедания к необходимости подавать прошение в государственные органы на разрешение строительства культового здания. В 1856 г. в штаб Отдельного Сибирского корпуса было отправлено прошение от мусульман Сибирского линейного казачьего войска с просьбой о разрешении строительства мечети в 1 полку. В результате данного прошения на имя наказного атамана был отправлен запрос, который обозначал следующие вопросы: во сколько обойдется строительство такого культового сооружения; сколько средств уже собрано верующими; как мечеть будет содержаться и кому будет поручена ее постройка; какое количество мусульман будет ее посещать. В связи с тем, что средства на постройку не были собраны в полном объеме в 1857 г. Штабом было запрещено начинать строительство культового здания, до тех пор, пока необходимая сумма будет накоплена [13].

Как видно из приведенных архивных данных, несмотря на то, что количество прихожан составляло 365 душ, что значительно превышало установленные законодательством нормы на разрешение строительства, тем не менее, государство всячески стремилось к введению ограничительных мер для устройства культового здания. При этом поддержка со стороны правительства, как правило, не оказывалась. Государство, отказывало в содействии строительству культовых зданий инославных исповеданий, аргументируя это отсутствием средств. Примечательно, что отказ от правительства на постройку мечети, получил даже оренбургский муфтий в 1827 г., ожидавший поддержку со стороны государства в отношении органа, контролирующего деятельность мусульман России [11. С. 71].

Однако основной проблемой в отказе на строительство мечети, а тем более официального признания махали, было отсутствие необходимой численности представителей мусульманского вероисповедания регулярно проживающих на той территории, где постройка мечети считалась необходимой. В 1886 г. Указом Александра III от 15 декабря были внесены изменения в ранее действующий Строительный устав, в результате которого, было разрешено открытие мечети при наличии не менее 200 прихожан мужского пола и возможности общины содержать духовенство при ней и саму мечеть в хорошем состоянии [14]. Несмотря на все затруднения в устройстве духовной жизни мусульман, следует отметить, что до 1868 г. «молитвенные дома» во вновь учрежденном внешнем округе Западно-Сибирского генерал-губернаторства зачастую возводились за счет казны [3. С. 127].

Российское правительство стремилось максимально контролировать устройство духовной жизни своих подданных. Так, на строительство новой или на ремонт и расширение старой мечети, требовалось разрешение губернских властей. Данные требования были закреплены еще 31 мая 1829 г. в Указе о строительстве мечети, который, в свою очередь, ставил общину в полностью подконтрольное положение государственным органам. В этом Указе еще раз оговаривалось конкретное количество членов мусульманской общины, при которых возможно строительство мечетей. В 1844 г. был разработан типовой проект мечети, которым следовало руководствоваться при ее постройке [15; 16].

Для того, чтобы получить разрешение на постройку или ремонт культового здания, общиной выбирался доверенный, который отправлял прошение и вел всю переписку с государственными органами. Примером ведения делопроизводства по вопросу строительства мечети может служить прошение в Тобольское Губернское управление по Строительному отделению доверенного Нафетдина Шагабетдинова от проживающих в г. Кургане мусульман. В 1910 г. им было отправлено прошение с просьбой разрешить его доверителям построить мечеть в городе Кургане. В своем прошении он указывает, что высылает проект культового здания, а также подчеркивает, что ее строительство будет осуществлено за счет пожертвований собранных в общине. Постройка культового здания будет осуществляться так же за счет полученного двухэтажного дома, на первом этаже которого будет устроена школа с прихожей и кухней при квартире муллы. В верхнем этаже будет мечеть с местом для михраба, а рядом с ней комната для муллы. Крыша сооружения, согласно предложенному проекту, будет разобрана, и таким образом, будет выстроен минарет [17]. Предложенный проект перестройки дома под культовое здание был рассмотрен, и в результате установлено, что он не подлежит использованию. Сам проект, по мнению Строительного отделения, следует не доработать, а полностью переделать. При этом сумма в 125 рублей за новый проект должна быть внесена полностью.

Нужно отметить, что на получение разрешения на постройку мечети часто уходило несколько лет. Так, на прошение киргизов Инель-Тунгатаровской волости Акмолинского округа, отправленного в 1859 г., ответ с разрешением был получен только в 1862 г. Ответ пришел спустя три года только после того, как мусульманская община подтвердила количество прихожан и, что содержание мечети и училища при ней, берет на себя представитель мусульман Байбеков [18].

С проблемой устройства религиозной жизни общины столкнулись мусульмане г. Петропавловска. В частности, ими в 1860 г. было отправлено прошение на имя Генерал-Губернатора Западной Сибири. Доверенным лицом данного общества было указано, что согласно плану застройки г. Петропавловска следует устроить на месте закрытого в 1849 г. мусульманского кладбища городской сад. Татарская община, в свою очередь, просит передать данное кладбище в её владение с целью дальнейшего там открытия мусульманского сада, поскольку верующие обеспокоены надругательством над могилами своих предков. Более того жены и дочери мусульман не имели возможности появляться в общественных местах, а создание такого сада в городе позволило бы им, по мнению общины, беспрепятственно гулять, а также совершать поминальные службы по усопшим. Что бы облагородить данное место, татарская община просила разрешения огородить сад решеткой и заняться посадкой деревьев. На данный запрос главное Управление Западной Сибири ответило, что т.к. данный сад включен в план городской застройки, то передача его в собственность мусульманской общине представляется затруднительной. Относительно кладбища, было особо замечено, что его закрытие осуществлено согласно распоряжению Министерства Внутренних дел, в котором говорилось о прекращении всех внутренних кладбищ в связи с расширением города. На данный отказ, община еще раз отправила зарос, объясняя, что согласно приведенному распоряжению в отказе, не шла речь об огороженных участках. К тому же община будет считать за милость, если ей будет передан данный сад, который станет украшением местности. В прошение было замечено, что два русских кладбища уже переделаны под городские сады, а мусульманское кладбище будет уже финансово не под силу городской казне оборудовать под сад. В связи с этими обстоятельствами община просит ходатайствовать перед министром Внутренних дел о дозволении начала устройство сада, чтобы кладбище не пустовало. Либо пусть органы власти разрешат выстроить мечеть, тем более, что среди русского населения подобный прецедент уже был. Не противоречила такая инициатива и законодательству, в т.ч. ст. 912 т. 13 Свода законов Российской империи, изданного в. 1857 г. В конечном итоге в ходе переписки Тобольскому Губернатору в 1861 г. было отправлен ответ на

запрос татарской общины, который позволял устроить мусульманский сад в г. Петропавловске, т.к. в городе проживает большое количество мусульман [19].

Следует обратить внимание на то, что подобного рода затруднения в постройке мечетей приводили к тому, что к началу XX в. они часто приобретали не законный характер. Правительство всячески стремилось бороться с подобными постройками, в результате чего виновный в постройке мечети без разрешения или в ненадлежащем месте подвергается согласно законодательству Российской империи наказанию [6. С. 228].

Неотъемлемой частью религиозной жизни мусульманской общины являлась конфессиональная школа. Именно учебным заведениям отводилась ведущая роль по воспитанию подрастающего поколения [20. С. 225]. Согласно имеющимся сведениям, например, в г. Томске, при мечети имелась женская мусульманская школа, а также проводились вечерние курсы.

Большая часть школ во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи открывалась за счет общин. Строительство зданий так же велось на общественные средства, в результате чего, данные учебные заведения получили названия общественных. Содержание учебных заведений полностью накладывалось на членов общины, и за некоторым исключением, содержались на средства жертвователей [20. С. 227].

Важно подчеркнуть, что образование считалось одним из важнейших инструментов воздействия на инородческое население Российской империи. В этой связи, уже в первой половине XIX в. инициатива устройства начального образования переходит в руки государства. Одной из важнейших целей, которую преследовало правительство, устраивая образование в инородческой среде, было распространение между ними начал «некоторой гражданственности». В 1852 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев предписал генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорту собрать сведения о мерах, необходимых для того, чтобы «положить начало введения между инородцами образования». Генерал-губернатор, в свою очередь, определяя задачу тобольскому губернатору Т.Ф. Прокофьеву, обращал внимание на то, что «меры к образованию инородцев не могут быть для всех одинаковы», т.к. местное население различалось по языку, вере, образу жизни и обычаям. Таким образом, в государственной политике необходимо было учитывать этнические особенности. При этом генерал-губернатор подчеркивал, что важнейшим условием развития гражданственности у всех инородцев является знание русского языка [21].

Таким образом, в начале XX в. неоднократно членами мусульманской общины России поднимался вопрос перед министерством народного просвещения о содействии в устройении и содержании школ. Однако в данных прошениях было отказано, т.к. правительство видело своей целью поддержание только тех учебных заведений, которые имели русские классы.

Мусульманские учебные заведения в Российской империи были представлены двумя типами, это мектабе – начальная школа, и медресе – школы более высшего типа, имеющие усложненную образовательную программу [22]. Мектабе содержались на средства населения. Они представляли собой обычные деревенские дома из одной или нескольких комнат, которые были классами и общежитиями для многих учащихся. При этом данные дома были лишены всех бытовых удобств проживания. Материальное положение этих училищ было крайне невысоким [23].

В процессе изучения положения русско-татарских школ в Tobольской губернии, а так же отношения в них к русским учителям, было установлено, что тюменские татары относятся к школе с доверием и ждут от нее для себя помощи в знании русского языка. Такая позиция инородцев объясняется тем, что большинство из них являлись служащими в промышленных учреждениях, где знание русского языка крайне необходимо. Было так же замечено, что к учителю русского происхождения татары относились бы недоверчиво. Ходатайствуя об открытии школы, татары убедительно просили назначать им учителя также из татар, в противном случае число учащихся было бы сравнительно небольшим. Кроме того было отмечено, что община считает содержание школы наиболее благонадежным за счет средств государства. Инспектор, при проведении данной проверки, также подчеркнул, что тюменские татары имеют большое стремление в устройстве подобного рода школ, которые весьма способствуют сближению инородцев с русским населением. Однако деревенские татары опасались школы, которая может затронуть их религию. В этой связи инспектор разъяснял татарам, что обучение не предусматривает изучение не мусульманской веры, что вызвало положительную реакцию и стремление подготовить ходатайство об открытии таких школ.

В определенной степени свободные в своих суждениях городские татары очень упорно добивались открытия Тюменской русско-татарской школы. Однако, как это часто и бывало, они не представляли собой организованного общества. К тому же содержание данной школы за средства общины было весьма затруднительным. Вследствие проверки, было установлено, что Городская Управа не считала своей обязанностью давать средства на содержание татарской школы. Кроме того, выяснилось, что Тюменская школа открыта Городским управлением в порядке осуществления школьной сети, но с тем условием, что город, будет давать только жалование учащим, а содержание же должны осуществлять местные татары. Вследствие этого, по просьбе татар, помещение для школы на время предоставил бесплатно тюменский купец А.И. Текутьев. Отопление помещения и прислуга финансировались за счет благотворителей. В то же время комиссия, которая занималась изучением

системы народного образования в Тобольской губернии, отметила, что данная система управления школьным образованием является крайне не прочной, и сама община может привести учебное заведение только к упадку [24].

В 1904 г. под руководством тайного советника профессора А.С. Будиловича была организована проверка начальных учебных заведений Российской империи, целью которой было определить, необходимость следить за духовными учебными заведениями мусульман, и насколько активно должно быть участие государства в деятельности мектабе и медресе [25]. В результате, при проверках мусульманских учебных заведений было обнаружено, что часть из них находится в крайне плачевном состоянии.

По итогам проверок в 1906 г. были приняты правила об устройстве инородческого образования, которые поднимали вопрос об организации и устройстве инородческих школ в Российской империи. Согласно данным правилам, целью организации училищ являлось «нравственное и умственное развитие инородцев путем распространения знания русского языка» [26]. Анализируя данные правила, муфтий М. Султанов обратился к министру народного просвещения, с просьбой передать мектабе и медресе в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания. Тем более, что в школах все мугалимы, за исключением школ Вагайских и Казанских, где учат сами указные муллы, никем не назначены, а обучают детей учителя, приглашенные общиной зачастую из-за границы, под наблюдением мулл [27].

Наличие мусульманских школ, крайне беспокоило Российское правительство во второй половине XIX – начале XX в., о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, в 1913 г. Тобольским полицмейстером под грифом секретно был направлен рапорт на имя Тобольского Губернатора, в котором сообщалось, что в предоставленном списке мусульманских школ имеется учебное заведение, открытое мусульманским обществом 26 марта 1886 г. и относящееся к начальным школам. Существовало данное учебное заведение, без разрешения и содержалось на средства общины, которая и контролировала его деятельность. Полицмейстером отмечалось, что преподавание в школе ведется на арабском языке, хотя есть среди предметов и русский язык [28. Л. 40].

Вопрос о разрешении на открытие учебных заведений мусульманского вероисповедания, был одним из важнейших, так как в начале XX в., в результате переписи всех школ в Тобольской губернии, было установлено, что только одна школа в Ишимском уезде, а именно в д. Мавлютке, открыта с разрешения государственных органов. Все же остальные школы открыты с давнего времени без разрешения. Следует заметить, что мусульманские школы в указанной губернии можно отнести к начальным одноклассным школам, состоящих в большинстве случаев при мечетях и содержащихся на средства местных мусульманских сельских общин. Заведовали школами и преподавали в них, при чем на татарском языке, имамы и муллы. Только в одной мусульманской школе в г. Тобольске введено преподавание русского языка [28. Л. 50–50 об.].

Необходимо подчеркнуть, что правительство было крайне озабочено устройством мусульманских школ, особенно их благонадежностью, тем более, что часть школ, как было уже замечено, открыта мусульманами самовольно без разрешений от губернских властей. Так, в 1878 г. Тобольскому губернатору, под грифом секретно были донесены сведения о вредном влиянии духовных лиц на саму мусульманскую общину и возбуждении в ней религиозного фанатизма. В результате данного донесения окружным исправникам было дано распоряжение собрать сведения о том, каким образом при татарских мечетях открываются школы, а так же кто за школами имеет наблюдение [29. Л. 1–1 об.]. Из приведенных ниже данных, можно сделать вывод о том, что правительство не в состоянии было полностью контролировать устройство духовной жизни общины. Так, согласно сведениям, полученным от исправников в г. Таре, имеется одно училище, открытое без разрешения и содержащееся купцом Айтылкиным на завещанные отцом средства. Учителем в этом училище состоял окружной мулла Сайтыков, определенный на должность Оренбургским магометанским духовным собранием. Кроме того, было отмечено, что школы при мусульманских мечетях открываются довольно часто, и при этом разрешения на их открытие мусульмане не получают [29. Л. 17–18]. Тюменский окружной исправник рапортовал, что все школы открытые в его округе при мечетях еще с незапамятных времен, и никаких бумаг, подтверждающих их открытие нет [29. Л. 31–31 об.]. По запросу о наблюдении за данными школами все исправники отмечали, что никакого особого надзора за этими учебными заведениями так же не ведется.

Государственные органы различного уровня неоднократно запрашивали у местных властей сведения о наличии мусульманских учебных заведений, а так же каким образом они открывались и за чей счет содержались. Так, в 1855 г. министром Внутренних дел было направлено предписание начальнику Тобольской губернии с запросом о наличии мусульманских школ. На данный запрос было дан ответ, что основная масса школ открывалась без веденя властей, а содержание их ведется полностью на средства самой общины. Было так же отмечено, что данные учебные заведения никакому ведомству не принадлежат [30].

Заключение

Таким образом на основе проведенного исследования, можно заключить, что государство основной своей задачей в отношении мусульман Российской империи видело тотальный контроль за

духовной жизнью уммы. Наиболее полно этот контроль проявлялся в устройстве духовной жизни общины, а именно постройке мечетей и устройства при них учебных заведений. Начиная еще со времен Екатерины II мусульмане получили некоторые послабления в отношении устройства духовной жизни общины. Однако, по-прежнему, сохранялись ограничительные меры в Строительном уставе, а так же даже в выборе архитектурного решения при построении мечети. К тому же, процесс получения разрешений на устройство мечети или школы занимал достаточно длительный период времени, что приводило к не законному построению мечетей и открытию учебных заведений. Следует отметить, что, несмотря на контроль за строительством культовых зданий, правительство отказывалось от такой меры, как помощь в финансировании культовых сооружений. Содержание школ и мечетей целиком являлось обязанностью самой общины. В вопросе содержания учебных заведений для мусульман, правительство видело своей обязанностью устройство и содержание только школ нового типа, которые имели русские классы, а их главной задачей являлось обучение русскому языку и знакомство мусульман с русской культурой.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIX. 1081 с.
2. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2014. Т. I: Поздняя древность – начало XX в. С. 94–109.
3. Загидуллин И.К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 124–150.
4. Гибадуллина Э.М. Механизмы финансирования строительства и содержания сельских мечетей в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 37–43.
5. Загидуллин И.К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Мир ислама. 2008. № 1. – URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008#> (дата обращения: 12.01.2015)
6. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 12. 549 с.
7. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане г. Томска в конце XIX – начале XX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Томск, 2009. С. 151–158.
8. Кабдулвахитов К.Б. Роль поволжской татарской миграции в развитии ислама в Томской губернии в начале XX в. [Электронный ресурс] // Файзрахмановские чтения. 2011. № 8. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5116> (дата обращения: 18.12.2014)
9. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оп. 2. Д. 8. Л. 835 об.–884
10. Памятная книга Томской губернии на 1871 г. Томск: Томская губернская типография, 1871. 260 с.
11. Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 70–104.
12. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 580. Оп.1. Д.815.
13. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.729.
14. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.
15. Бакиева Г.Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. 2008. №4. С. 7–15.
16. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. IV. 968 с.
17. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Фи. 353. Оп.1. Д.783.
18. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4320.
19. Государственный архив Омской области. Ф.3. Оп.3. Д. 4512.
20. Кобзев А.В. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии XIX – начала XX века) // Мечети в духовной культуре татарского

- народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. С. 225–239.
21. Конев А.Ю., Бакиева Г.Т., Ключева В.П. Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII–XIX вв. [Электронный ресурс] // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. 2005. Выпуск 6. – URL: <http://bva.wmsite.ru/problemy-vzaimodejstviya/vypusk6/konev> (дата обращения: 25.06.2012)
 22. Дашковский П.К., Шершнёва Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 68–71.
 23. Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2009. 219 с.
 24. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф.5. Оп.1. Д. 77.
 25. Бурдина Е.Л. Позиция русского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278–287.
 26. Гатин А. «Бюрократия нас уничтожит, сотрет нашу религию и нацию...» (Проблема образования татар в дискуссиях в начале XX в.) [Электронный ресурс] // Эхо веков: научно-документальный журнал. 2005. № 1. – URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.10.2014).
 27. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 2. Оп.1. Д.182.
 28. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 417. Оп.1. Д.589.
 29. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 152. Оп. 33. Д. 135.
 30. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 152. Оп. 31. Д. 1146).
- References:**
1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1969 g. SPb: Tipografii II Otdeleniy E.I.V. Kanjcel'jarii. Sobranie I. T. XIX. 1081 s.
 2. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Osnovnye napravleniya politiki Rossiyskoy imperii v otnoshenii musul'manskikh narodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Religioznyj landshavt Zapadnoy Sibiri i sopedel'nych. Barnaul: Azbuka, 2014. T. I: Pozdnyaya drevnost' – nachalo XX v. S. 94–109.
 3. Zagidulin I.K. Osobennosti strukturirovaniya musul'manskogo molitvennogo doma v obszeimperskoe pravovoe prostranstvo // Mecheti v duhovnoy kul'ture tatarskogo naroda (XVIII v. – 1917 g.). Materiale vserossiyskoy nauchno-practicheskoy konferentsii. Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT, 2006. S. 124-150.
 4. Gibadullina A.M. Mezhanizmy finansirovaniy stroitel'stva sel'skihz mechetey v Samarskoi gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Istochniki suchxestvovaniy islamskix institutov v Rossiyskoy imperii Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT, 2009. S. 37–43.
 5. Zagidulin I.K. Osobennosti organizacii religiozno-obraydovoy schizni rabochich tatar-musul'man d Evropeyskoy chasti Rossii i Sibiri (vtoray polovina XIX – nachale XX v [Aelektronny resurs] // Mir islama. 2008. № 1. – URL: <http://www.paxislamika.ru/arkhiv/17-12008#> (data obrascheniy: 12.01.2015)
 6. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. SP,: Russkoe kniczhnoe tovarizchestvo «Deaytel'», 1912. T. 12. 549 s.
 7. Markova M.F. Tatary-musul'mane g. Tomsk v konzce XIX – nachale XX v // Istoricheskie issledovaniy v Sibiri: problemy i perspektivy Tomsk, 2009. S. 151–158.
 8. Kابدulvaschitov K.B. Rol' povolschskoy tatarskoy migracii v razvitii islama v Tomskoy gubernii v nachale XX v. [Aelektronny resurs] // Fayzraxhmanovskie chteniay. 2011. № 8. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5116> (data obrascheniy: 18.12.2014)
 9. Zcentral'naey gosudarstvenniy istoricheskiy archive Respublici Bashkortostan. F. 295. Op. 2. D. 8. L. 835 ob.–884.
 10. Pamaytnay kniga Tomskoy gubernii na 1871 g. Tomsk: Tomskay gubernskay tipografii, 1871. 260 s.
 11. Zagidulin I.K. Publichnye sbory pozhcetvovaniy dly stroitel'stva mechetey v gorodax Evropeyskoy Rossii i Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) // Istochniki suchxestvovaniy islamskix institutov v Rossiyskoy imperii Sbornik statey. Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT, 2009. S. 70–104.
 12. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchenie Tobol'skoy oblasti. F. 580. Op.1. D.815.
 13. Gosudarstvenne arxiv Omskoy oblasti. F.67. Op.1. D.729.
 14. Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniy, statistika) / sost. D.U. Arapov. M.: Akademkniga, 2001. 367 s.
 15. Bakieva G.T. Rossiyskoe gosudarstvo i sibirskie tatary v XVII – nachale XX v.: konvessional'nay aspect // Izvestiy Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriy Istotiy. 2008. №4. S. 7–15.
 16. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. SPb.: Tipografii II Otdeleniy E.I.V. Kanjcel'jarii. Sobranie II. T. IV. 968 s.
 17. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchenie Tobol'skoy oblasti. F. 353. Op.1. D.783.
 18. Gosudarstvenne arxiv Omskoy oblasti. F. 3. Op. 3. D. 4320.
 19. Gosudarstvenne arxiv Omskoy oblasti. F.3. Op.3. D. 4512.

20. Kobzev A.F. Musul'manskay obzhina kak centr organizacii obucheniy I vospitaniy (po materialam Simbirskoy gubernii XIX – nachala XX v.) // Mecheti v ducshovnoy cul'ture tatarskogo naroda (XVIII v. – 1917 g.). Materiale vserossiyskoy nauchno-practicheskoy konferenczii. Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT,, 2006. S. 225–239.
21. Konev A.U., Bakieva G.T. Sozcial'na-pravovye aspekty confessional politiki Rossiyskogo gosudarstva v Sabagnoy Sibiry XVII – XIX v. [Aelektronny resurs] // Problemy vzaimodeystviy cheloveka I prirodny sreda. 2005. V. 6. URL: <http://bva.wmsite.ru/problemy-vzaimodejstvija/vypusk6/konev> (data obrascheniy: 25.06.2012).
22. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Musul'manskoe obrazovanie v Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX v. // Izvestiy Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4-1. S. 68–71.
23. Bobkova T.I. Tatarskie obzhiny Irkutskoy gubernii (konezc XIX – nachalo XX v.). Irkutsk, 2009. 219 c.
24. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arkhivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti.. F.5. Op.1. D. 77.
25. Burdina E.L. Pozitsiy russkogo pravitel'stva po voprosu «inorodcheskogo» obrazovaniy v nachale XX v. // Voprosae obrazovaniy. 2007. № 3. S. 278–287.
26. Gatin A. «Burokratiy nas unichtozhcit, sotret nashu religiu I nazciu...» (Problema obrazovaniy tatar v diskussiix v nachale XX v.) [Aelektronny resurs] // Aexo vecov: nauchno-documental'nay zchurnal. 2005. № 1. – URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru> (data obrascheniy: 25.10.2014)
27. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arkhivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F. 2. Op.1. D.182.
28. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arkhivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F. 417. Op.1. D.589.
29. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arkhivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F.152. Op.33. D. 135.
30. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arkhivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F.152. Op.31. D.1146.

УДК 930

Политика российского государства по контролю за религиозной жизнью мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

¹ Петр Константинович Дашковский

² Елена Александровна Шершнёва

¹ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

² Алтайский государственный университет, Российская Федерация
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: D2703@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль российского государства в устройстве духовной жизни мусульманских общин. Во второй половине XIX – начале XX в. Российское правительство видело главной своей задачей контроль за инославными и иноверными вероисповеданиями и, особенно, за мусульманскими общинами. Такая политика во многом выражалась в контроле за строительством культовых зданий, а так же устройством конфессиональных школ. На основании архивных материалов раскрывается проблема устройства духовной жизни мусульманской общины Западной Сибири в рассматриваемый период, а так же основные аспекты делопроизводства в данной сфере. Особое внимание уделяется сложности получения разрешений для сооружения мусульманских объектов, что приводило иногда к несанкционированному строительству. Аналогичная тенденция отмечалась и в отношении открытия учебных заведений, поскольку правительство поддерживало преимущественно создание школ нового типа, которые имели русские классы, а их главной задачей являлось обучение русскому языку и знакомство мусульман с русской культурой.

Ключевые слова: мусульманские общины; государственно-конфессиональная политика; Западная Сибирь; образовательные учреждения.